

История, выстраивающая будущее

Во времена крутых переломов судьбы — человека ли, страны ли — особенно настоятельной становится необходимость оглянуться на пройденное, заново осмыслить его и попытаться на этой основе выстроить путь, который еще предстоит пройти. Быть может, поэтому так остры дебаты, которые разворачиваются не только в исторической науке, но и в вокруг школьной истории — вокруг содержания ее, места в общей структуре учебных предметов, способов преподавания, трактовки тех или иных событий, предлагаемых учебников.

Что же делать в такой ситуации учителю истории и ученику? Об этом мы беседуем с **Кириллом Германовичем Митрофановым**, кандидатом педагогических наук, доцентом, заведующим кафедрой методики преподавания истории в Московском городском педагогическом университете.

— История как учебный предмет начинается сейчас в школе с пятого класса. Однако с какими-то историческими деятелями и событиями дети знакомятся и раньше. И не только в школе. Есть книги, есть телепередачи, рассказы взрослых, наконец. Однако представления детей не всегда достоверны, они часто основаны на мифах. Конечно, общие мифы облегчают взаимопонимание поколений, но возникает вопрос об их отборе. Например, Илью Муромца дедушка и внук воспримут скорее всего одинаково, а вот один из них благожелательно помянет Павлика Морозова, реакция другого на это имя может оказаться прямо противоположной. И когда идет спор о том, какую историю изучать, это в очень большой степени спор о том, какие мифы в нее включать.

В начале 90-х я проводил среди старшеклассников конкурсы работ на исторические темы. Вот одна из весьма интересных: десятиклассница просмотрела все имевшиеся в школьной библиотеке учебники по истории и выяснила, какие имена в них упоминаются и сколько раз. Она нашла пять с половиной тысяч имен, половина из них встречается всего один раз! (Кстати, выпускники американских школ должны знать триста имен.) Затем девушка опросила двести взрослых (не профессионалов-историков), предложив им ответить, кого из исторических деятелей они помнят, — и первая десятка совпала с той, что наиболее часто упоминалась в учебниках. Причем в первую тройку вошли Иван Грозный, Петр I, Ленин! Чрезвычайно показательный опрос, выявивший, как учебная литература способствует образованию мифа, определяет качество нашего массового сознания...

— Но какую историю должны изучать школьники и знание чего они должны получить?

— Это, наверное, главный вопрос. В школу предмет «История» вошел в XIX веке, и призван он был решить побочную задачу — помочь развитию памяти. Тренировали ее по-разному: например, за-

помяная даты. А до того было развито стихотворчество на историческом материале: Ломоносов и Державин писали оды, обращаясь к тому или иному историческому событию и прославляя властителей.

— А у Коменского был такой предмет?

— Нет, конечно. Более того, даже как предмет научного исследования история оформилась достаточно поздно. Говорят, что родоначальником истории был Геродот, однако он скорее писатель. Но как разделить литературу и историю?

Формально границу между ними попытались провести скорее всего в конце XIX века или еще позже, когда историко-филологические факультеты университетов стали делиться на исторические и филологические. А потому Карамзин, он кто — филолог или историк? Свои «Записки о древней и новой истории России» Карамзин писал для Александра I, успев перед смертью прочитать их Николаю I. Тот, стоя на Сенатской площади, пытался понять, что ему делать: ведь главой государства он стал неожиданно. И уже затем, выслушав писателя, воспринял его консервативную модель развития России. Многие из того, что делал Николай I, может быть объяснено идеями и принципами, которые исповедовал Карамзин.

Затем родилась идея, что история важна для выстраивания причинно-следственных связей между событиями. Вот классическая ситуация спора о том, что она есть. Известный в первые десятилетия прошлого века историк-марксист Михаил Покровский утверждал, что история — это политика, обращенная в прошлое, а Ленин, который, извлекая из истории те или иные уроки, проектировал будущее, возмущался таким подходом. И это принципиальный вопрос: кому и зачем история нужна и кто в этом споре был прав.

— На примере Карамзина и Николая I видно, что история — это политика, обращенная в будущее.

— Да, и потому я рассматриваю ее как истолкование прошлого и объясняю это детям на различении двух вопросов: «Почему?» и «Зачем?». Первый ведет в прошлое, в традиционную историю, именно она на него отвечает. А второй — для политики, которая устремлена в будущее: зачем делается то, что затем становится историей? Чтобы понимать, что нас ожидает, надо разбираться с тем, что происходило в прошлом и как это влияет на настоящее.

— А для чего нам, простым людям, это знать?

— Но даже простые люди как-то планируют, независимо от степени осознания и результата, свою жизнь. Тем более это важно в профессиональной деятельности: чтобы быть в ней успешным, мы должны понимать ситуацию, соответствовать ей, не идти поперек исторического потока, затормаживая свое движение. Кроме того, понимание

исторического процесса формирует то, что ныне называется компетентностью, без которой быть успешным в нынешней жизни чрезвычайно сложно.

— И такое понимание важнее, чем запоминание череды событий и дат?

— Само собой, хотя их тоже полезно знать. Смена их на таком масштабе, как эпоха, помогает ответить на вопрос, «какое нынче тысячелетие на дворе», — хотя бы на уровне образа это надо понимать и школьникам, и тем более учителю. К слову, профессор Борис Хасан ввел различение объекта, субъекта и агента истории. Объект — это тот, по кому история «прокатывается», кто, по Гегелю, в итоге оказывается ее «навозом». Агент — это человек, участвующий в чем-то проекте: он действует вроде бы самостоятельно, но рамки заданы не им, хотя он может этого не осознавать и думать, что во всем самостоятелен. Наконец, субъект — это деятель, то есть человек, который творит историю.

Кстати, такое же влияние оказывает научная школа: она задает рамки движения ее продолжателей, поэтому они — ее агенты, даже если ощущают себя субъектами.

— Говорят, что и научные дисциплины, и учебные предметы — это просто разные взгляды на единый мир. Если вы с этим согласны, то в чем особенность исторического взгляда?

— Мне коллега рассказал, как некоторые учителя физики объясняют школьникам теорию относительности. В поезде едут люди, одни сидят и глядят в окно, другие переходят из вагона в вагон. А есть люди, которые стоят в стороне и смотрят, как поезд пронесется мимо. Поезд — образ времени: для одних, для других и для третьих оно течет по-разному. В истории такая «электричка» — та или иная эпоха, в которой люди участвуют по-разному, с разным отношением к потоку жизни, к одним и тем же событиям.

В шестидесятые годы обсуждалось, в каких социальных ролях может выступать человек с историческим образованием и мышлением. Ответы были разными.

Во-первых, историю надо изучать для того, чтобы уметь рассказывать разные истории-сюжеты: завязка, интрига, кульминация. Это очень важно, например, для адвоката. Дискуссионность приобретает ныне все большее значение: уметь побеждать в дебатах важно не только политикам.

Во-вторых, нужны грамотные архивариусы — люди, умеющие работать с большим объемом материалов, анализировать исторические источники; они знают, где что лежит и как это найти.

И третья роль — тот самый субъект, деятель истории.

— Политик?

— Нет, избиратель, который избирает, принимая решение на основе своей компетенции. Это и есть позиция делателя истории, неважно, какой — «большой» или личной. Причем каждый раз — в точке развилки: направо пойдешь, налево пойдешь... Умные политики это понимают. И вся история — последовательность таких развилок.

В нашем прошлом можно найти много примеров, когда все могло пойти иным путем. Вот, скажем, Киевская Русь. Князь Владимир выбирает религию для народа и государства. Мог выбрать

иудаизм: на границе — принявшие эту веру хазары, они сильны, он платит им дань. Мусульманство разрешает многоженство — что ни говори, а приятно, но вино пить нельзя! Летопись объясняет сделанный выбор человеческими мотивами: Владимир выбирал эстетически: красиво поют в греческих храмах, и золота много. Лепота — это главное!

Так категория красоты становится базовой для всей русской культуры: мы и сегодня выбираем, исходя из представлений о гармонии, соразмерности, красоте, то есть нерационально.

Или ситуация Николая I после прихода к власти. Ему было страшно: на Сенатской площади он простоял весь день, глядя в глаза тем, кто призвал его убить. И не сразу воспользовался пушками — раздумывал, как поступить, а уж выбрав, должен был и дальше двигаться в этом направлении, находя поддержку своего выбора в «лекциях» Карамзина. Но пока не выбрал, все могло пойти по-другому.

— А в 1917 году?

— А это попытка использовать ситуацию для реализации уже готового проекта. Но на этот счет есть разные версии. По одной — это некий гуманитарный проект Германского электрического общества: революция в России была нужна, чтобы осуществить эксперимент с проектом электрификации большой территории, для чего власть должна быть ответственной, мощной, пронизывающей всю страну. Если принять эту версию, тогда понятно будет, откуда деньги на революцию взялись.

Другая версия: октябрьский переворот воплотил марксистский проект мировой революции. Однако он завершился поражением Тухачевского на подступах к Варшаве, после чего возникла очередная развилка: в 22-м году большевики оказались в ситуации, когда один проект рухнул, а с другими не было ясности. Поэтому Ленин, предлагая строить социализм в отдельно взятой стране, со всеми разругался: его предложение хоронило проект мировой революции. В итоге Сталин осуществил собственный проект — советский социализм.

Но так разбираться в истории в школе не учат: школьник должен запомнить даты определенных событий и научиться рассказывать истории...

— И все-таки, что за годы обучения должно сформироваться?

— На мой взгляд, понимание мира в его динамике, то есть историческое сознание. Для девяти из десяти нынешних молодых года 1985-й, 1945-й и 1812-й — одно и то же. Сознание поколения и выбор приоритетов зависит от того, ощущает ли оно себя в реальной истории.

История должна быть расчленена на этапы, без которых в ней нет движения, а если его нет, то человек не может понять, что и почему в истории происходит. А у 15-летнего человека еще нет инструментов, пользуясь которыми, он мог бы делить свою историю на этапы и увидеть свое движение. Но и взрослому человеку увидеть этапы в истории, что своей, что человечества, очень сложно. Как ее масштабировать? По годам? Это не масштаб. А какой выбрать? И что задает границы между этапами? Поэтому можно найти много примеров, когда все могло пойти иным путем. Вот, скажем, Киевская Русь. Князь Владимир выбирает религию для народа и государства. Мог выбрать

Почему сознание человека XIX века было более историчным, чем сознание современного человека? Не знаю, согласятся ли со мной коллеги, но у меня есть свой ответ.

Потому что даже крестьянин российский знал своих предков в пятом-шестом колене, а уж для дворянина его личная история начиналась с десятого колена. А кто больше укоренен, тот более историчен.

И я убежден: пока наши дети не заинтересуются своей генеалогией, пока мы не объясним им ее смысл и значение, у них не сформируется историческое сознание, историческое отношение к самому себе.

Не возникнут эти сакраментальные вопросы: кто мы? Откуда? Куда идем?

Почему и когда я решил стать школьным учителем? На третьем курсе я уже всерьез занялся своей генеалогией, стремился узнать, кто и как в моем роду жил, как создавали семьи, чем занимались. Оказалось, что, начиная со второй половины XVIII века, едва ли не половина моих предков были так или иначе связаны с образованием. Значит, и для меня это не только не зазорно — нормально. И я утверждаю, что без уходящей в далекое прошлое генеалогии люди оказываются лишены памяти и культурных традиций.

Один мой друг, историк и филолог, преподает в школе и вместе с коллегами вырабатывает у детей литературное отношение к истории, развивая такое понимание ее, когда ученик должен видеть прошлое как современник, как летописец, как историк и как иностранец. При этом старшеклассники пишут историю как учебный материал, который передают в младшие классы. Подход интересный, хотя, на мой взгляд, в нем не хватает генеалогии.

Темой первого из конкурсов, о которых я упомянул в начале беседы, была «История моей семьи в истории России». Получив множество очень интересных работ, я понял, какую сумятицу могут вызывать в головах учеников наши уроки.

Скажем, о гражданской войне мы говорим, что она разворачивалась на полях сражений — на самом же деле она катком прокатывалась по семьям. В присланной ученицей сельской школы работе читаю: в ее семье по маминной линии — те, кого раскулачивали, а по папиной — кто раскулачивал. У ее ровесницы, москвички, дед был делегатом XIX съезда КПСС — последнего при Сталине, а мама участвовала в съезде литовского Народного фронта «Саюдис».

В учебнике говорится, что гражданская война давным-давно завершилась, а для этой девочки она длится поныне, причем не где-то за тысячу километром — в ее доме! Под одной крышей живут три человека: один в прошлой жизни вполне мог быть из тех, кто сажает, другая — из тех, кого сажают, а девочка разрывается между ними, потому что любит и маму, и бабушку.

— Так недалеко и до шизофрении.

— Да, но у нас вся современная история такая, и все мы, наследники конфликта почти вековой давности, живем с его последствиями. Как к этому относиться? Стать на чью-то сторону? Но не мои ученики создали тот конфликт и не сами они выбрали жизнь с его последствиями. Предложить соломоново решение — и ты права, и ты прав — не годится, потому что не объясняет, как жить дальше.

— Что же вы предлагаете?

— Исходя из понимания истории как инструмента, который должен помочь разобраться в том, как устроена жизнь, можно сказать: у каждого человека должен быть проект своей жизни. Не зачеркивая прошлого, надо знать: так было. И понимать, почему было именно так. Только в своем сознании можно снять возникавшие в прошлом противоречия и конфликты. Для этого нужно понять проблемы, с которыми сталкиваешься или можешь столкнуться. Все бросить и быть как можно дальше от них — вариант негативный, выстроить собственный проект — позитивный. Хотя бы начиная с малых дел.

— И в этом Вы видите суть сформированного исторического сознания?

— Да. Без выработки собственного отношения к происходящему человек живет вслепую, оказывается во власти навязанных ему мифов. Главный вопрос: кто ты в этом потоке жизни и что выбираешь для себя? Это вопрос самоопределения, им должны озаботиться все и, в первую, быть может, очередь, историки. Можно определить себя в архивариусы и быть при этом хорошим специалистом и независимым экспертом. Стоять, так сказать, в стороне и смотреть, как мимо проносятся поезда, фиксируя их движение. Нормальная, полезная позиция. Не всем же быть проектировщиками и деятелями.

— Вы считаете источниковедение профессией второстепенной?

— Ну что вы! Могу рассказать еще о нескольких конкурсных работах, тема которых звучала так: «Ребенок и история: облики детства». Например, девочка спросила маму, где та познакомилась с папой, услышала: на танцплощадке. И решила узнать, что оба помнят об этом месте встречи, о том, где познакомились и ссорились, влюблялись и создавали семьи люди разных поколений — от ее сверстниц до бабушек, что сидят на лавочке возле дома... Она опросила больше ста человек: в какой одежде они на танцплощадку приходили, какая звучала музыка, какие танцы они танцевали. Представляете: танцплощадка как знак эпохи!

Или другой знак эпохи — игрушка. Этим заинтересовался третьеклассник. Он оказался единственным из учеников младшей школы, прошедшим в финал. Между прочим, он из весьма обеспеченной семьи, где его задарили самыми современными игрушками.

Другой мальчик нашел письма деда, который ушел на фронт в 41-м и погиб в 44-м. Что с ними делать? Можно написать биографию солдата: где воевал, какими медалями награжден — ход обыкновенный, распространенный. А наш конкурсант вдруг сообразил, что письма те перлюстрировались, и решил реконструировать инструкцию для военного цензора! Понять, на каком основании вычеркивались те или иные слова, те или иные фразы, которые он сумел-таки прочесть, положив листки на стекло и подсветив его снизу.

Но вернуться к генеалогии, с которой, что очень важно, связано понимание истории как смены поколений, как последовательность сменяющих друг друга этапов, каждому из которых отпущено 25–30 лет. Когда я предлагаю своим студентам посчитать, сколько за всю российскую историю прошло поколений наших предков, результат вызывает у них прямо-таки шок: за 1000 лет — всего 35 поколений.

— Что же так смутило студентов?

— Они не представляли, что наша история длится всего 35 поколений. Это уже не бесконечность, какой она обычно представляется, — на самом деле история, в общем, короткая и прочитываемая.

— А какое это имеет значение для самоопределения?

— Я не двухтысячный в списке, а всего тридцатый, и могу увидеть тех, кто впереди, позади, рядом. С этим наше сознание вполне справляется. Когда-то на одно поколение приходилось одно значимое для самоопределения и самореализации событие, да и сейчас — не больше двух-трех. В любом случае, XX век — точно поколенческий, а уж для нашей страны особенно: «поколение победителей», за ним — их детей, далее — поколение 1956 года, XX съезда КПСС с докладом Хрущева.

Смыслы самореализации меняются от поколения к поколению. В 60-е ценностью было служение истине, науке, истории; шестидесятники — это те, кто делал перестройку. Семидесятники, им сейчас под пятьдесят лет, перестройку не делали и в бизнес не пошли, у них самореализация очень сложная. Следующее поколение, 80-х, — тоже, на мой взгляд, сломанное: оно пришлось на перестройку, кто-то устроился, кто-то нет, и у большинства проблемы с мировоззренческими ценностями. А поколение 90-х (тогдашним студентам сейчас около тридцати) — это уже настоящие медведеры.

— Что же делать учителю историю в нынешней ситуации?

— А учителя разные. Самостоятельно думающих, умеющих ставить собственные цели, — один из десяти, и это, смею заверить, хорошая цифра. Столько же и учеников, которые выучатся в любом случае. Столько же и тех, которых как ни учи, все равно не научишь. Поэтому работать имеет смысл с оставшимися 80-ю процентами. Они зависят от учителя, от программы, и всего того, что им предлагается.

— А что делать с большинством учителей: им что, лучше уйти из школы?

— Ну зачем же. Любой учитель выполняет свою педагогическую задачу, если предстает перед учениками представителем того общества, в которое им предстоит войти, способствуя тем самым их взрослению и самоопределению. Сошлюсь на свою учительницу: она была яркой сталинисткой, я с ней яростно спорил, отметки у меня были между «тройкой» и «четверкой», но во многом благодаря ей, из чувства противоречия, я поступал на истфак.

В любом случае, первая сегодня задача для учителя истории: научиться поменьше говорить. Задача сложная. Его ведь учили рассказывать, причем рассказывать интересно. Но при том объеме исторического знания, который вписан в программу как обязательный (да еще при том минимуме часов, которые на это выделяются), возникает большое искушение использовать время «рационально» — рассказать все самому. Хотя в памяти учеников остаются крохи услышанного. У самого гениального учителя истории, которого я знал, были проблемы с речью, потому что предпочитал слушать, молча писать что-то на доске. А говорили ученики.

В некоторых американских штатах вот уже лет двадцать действует правило: большую часть

времени, предназначенного для социальных дисциплин, учитель обязан отводить на общие дискуссии. Когда я рассказываю об этом моим российским коллегам, они недоумевают: такое невозможно — мы же курс не успеем пройти!

Перестав все время говорить, надо выбрать из программы то, на что ты обратишь основное внимание. В прошлом году я попросил студентов проанализировать одни и те же темы в разных учебниках, характер вопросов, которые по этим темам задаются ученикам младших и старших классов, и в зависимости от типа вопросов разности это по разделам. Оказалось, что младшие и старшие отвечают практически на одни и те же вопросы; не меняются даже те, что рассчитаны на творческий подход. А это значит, что включенная в учебники история не работает на развитие, только на запоминание. Но просто знание того, что и когда произошло, — «пустое», его практически нигде применить.

Кстати, последний базовый учебный план интересен тем, что количество учебных часов не расписано по неделям. Степень свободы, самостоятельности учителя повышается, теперь он может выстроить годовой план по своему усмотрению. Не работать, как во Франции времен Наполеона, когда, скажем, во вторник на первом уроке во всех школах страны изучают то-то и то-то.

— Могут ли учителя истории поработать на единение нации?

— Обсуждая, что такое русская культура, академик Дмитрий Лихачев дал примечательную формулу: это культура переводчиков! Мы всегда умели переводить, переносить культуру иных народов на свою почву. Что из этого следует? А то, что на огромной евразийской территории происходит переплавка и ассимиляция племен и народов. Кто такие русские? Ответу байкой или мифом. Суворов перед решением о переходе через Альпы получает сообщение, что корпус, с которым шли на соединение, разбит. Идти туда же, на равнину, — значит, проиграть сражение. Собирается военный совет. Первое слово дежурному генералу, который с характерным немецким акцентом говорит: мы люди русские — всюду пройдем. В совете 21 военачальник, из них только пятеро с русскими фамилиями. Но все они — русские; примечательно, что слово «русский» — прилагательное, оно указывает на то, какой ты, а не кто.

А как принимали в казаки? Спрашивали: в православного бога веруешь? Перекрестись! Царю русскому служишь? Готов умереть за него! Водку пьешь? Так вы только налейте! Всё, ты наш, а кто ты и откуда, на каком языке говорил, — дело десятое.

Россия с самого начала работала плавильным котлом. Финно-угорских племен было больше, чем славянских. Да и кого только не было! Потому-то толмачество и стало базовой функцией культуры тех, кто живет на этой территории. Русские — посредники между Востоком и Западом. А толмач вполне может иметь свой проект, учитывающий обе стороны, между которыми он оказался, сформулировать свою историческую позицию. И выстроить свое будущее.

Беседу записал Матвей Хромченко